

Б. М. Кондорский

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. На основе концепции временных систем исторического развития предпринята попытка показать характер определяющего влияния прошлых событий на современные социально-политические процессы. Аналитика осуществлена через призму рассмотрения истории Китая, Украины, Центральной Азии, Ближнего Востока, Тропической Африки, России. Установлено, что принципиальное значение для логики истории имели характер и глубина феодальной революции в каждом регионе. Предложена классификация стран в зависимости от сроков наступления и специфики революционного периода: страны первой, второй и третьей генерации. Изложены основные положения теории революционного периода как временной системы, имеющей свои внутренние объективные законы. Сделан вывод, что основной причиной международной напряженности в начале XXI века стал конфликт между странами, относящимися к разным «революционным» генерациям.

Ключевые слова: процесс исторического развития, иерархия временных систем, феодальная революция, революции Нового времени, логика истории, революционный период, «революционные» генерации

Ссылка для цитирования: Кондорский Б. М. Влияние специфики исторического развития на современные социально-политические процессы // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 3. С. 73—87.

Original article

В. М. Kondorsky

IMPACT OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT SPECIFICITY ON THE MODERN SOCIO-POLITICAL PROCESSES

Abstract. Based on the concept of temporary systems of historical development, an attempt was made to show the nature of the determining influence of past events on modern socio-political processes. The analytics is carried out through the prism of considering the history of China, Ukraine, Central Asia, the Middle East, Tropical Africa and Russia. It has been established that the nature and depth of the feudal revolution in each region was of fundamental importance for the logic of history. A classification of countries is proposed depending on the timing of the onset and the specifics of the revolutionary period: countries of the first, second and third generation. The main provisions of the theory of the revolutionary period as a temporary system that has its own internal objective laws are outlined. It is concluded that the main cause of international tension at the beginning of the 21st century was the conflict between countries belonging to different "revolutionary" generations.

Keywords: process of historical development, hierarchy of temporary systems, feudal revolution, revolutions of modern times, logic of history, revolutionary period, "revolutionary" generations

Citation Link: Kondorsky, B. M. (2022) Vliyaniye spetsifiki istoricheskogo razvitiya na sovremennyye sotsial'no-politicheskiye protsessy [Impact of the historical development specificity on the modern socio-political processes], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 73—87.

Процесс исторического развития представляет собой иерархию временных систем, имеющих свои объективные внутренние законы. Это означает, что исторический отрезок, измеряемый столетиями, а то и тысячелетиями, может представлять собой единое целое, имеющее системный характер. Для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, иногда полезно заглянуть в прошлое.

Подобного рода подход придает чисто историческим исследованиям элементы прикладного характера. К сожалению, между историческими и политологическими исследованиями существует определенный разрыв. Историки академического направления с некоторым пренебрежением относятся к специалистам, изучающим современные социально-политические процессы. Ими обычно отвергаются элементы политологического и публицистического изложения материала в публикациях. То же самое касается попыток создания теоретических конструкций. Автор неоднократно с этим сталкивался. По существу это направление превратилось в своеобразную «вещь в себе».

В связи с этим для более глубокого понимания данной проблемы полезной будет революционная концепция исторического развития, разрабатываемая автором. В основе каждого этапа исторического развития лежит определенный тип революций: неолитических, архаических, феодальных, революций Нового времени. Каждый этап характеризовался определенным типом социального (в широком смысле этого слова) пространства и сознания.

Следует отметить, что каждый новый этап формировался на совершенно новой основе, представляя собой своеобразный «виток». Классическая Греция после архаической революции и в социальном, и в культурном отношении кардинально отличалась от предшествующей ей микенской цивилизации. В основе всех известных цивилизаций поздней древности (от Италии до Китая) лежали примитивные пастушеские племена.

Именно революции формировали потенциал последующего развития, уровень которого зависел от степени преемственности с предыдущим периодом. Византия, постоянно декларирующая свою историческую связь с Римской империей, весь период своего исторического развития находилась в состоянии перманентного кризиса.

В отличие от Западной Европы здесь минимальная преемственность во время феодальной революции на рубеже I тыс. н. э. способствовала наиболее прогрессивному развитию. Поэтому при рассмотрении влияния специфики исторического развития на современные социально-политические процессы в ряде регионов основное внимание будет уделено характеру феодальных революций на их территориях.

Китай. Феодалным революциям предшествует период феодализации, когда появляются внешние признаки, характерные для феодальной формации. В Западной Европе период феодализации был характерен для Меровингов и ранних Каролингов. В Китае этот период начался после гибели империи Хань в начале III века н. э. и продолжался более 700 лет. Сам феодализм, как система (в «китайском исполнении») появляется только в период династии Сун. Очень высокий уровень преемственности с предыдущим периодом способствовал тому, что к началу I тыс. н. э. Китай уже не имел потенциала дальнейшего развития. Как результат — завоевание чжурчжэнями Северного Китая, а затем и всей страны монголами.

Первым императором династии Мин были предприняты попытки проведения реформ с опорой на незнатных людей. Однако бюрократизм, взяточничество, вымогательство быстро стали атрибутами функционирования нового чиновничьего аппарата [Боровкова, 1979: 120].

Несмотря на то что именно в Китае впервые появились порох, бумага, компас, это не привело, как в Западной Европе, к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, колонизации. После освобождения от монгольского господства страна более 400 лет находилась в состоянии инерционного развития. Несмотря на свой огромный материальный потенциал, Китай не использовал его для дальнейшего развития. Еще в начале XIX века страна производила треть мирового ВВП [Киссинджер, 2013: 27].

Выйти из исторического тупика позволила деятельность Коммунистической партии Китая. Мао Цзэдун на интуитивном уровне чувствовал и понимал глубинную основу (базис) страны, обусловленную спецификой его исторического развития в течение двух с половиной тысяч лет. Фактически если бы не было Культурной революции, не было бы современного Китая.

В течение всей цивилизационной истории Китая основой его идеологии было конфуцианство. Коммунистическая партия Китая и сам Мао Цзэдун с подозрением относились к нему, считая его конкурентом коммунистической идеологии. Даже пытались с ним бороться. Однако история имеет свои объективные законы.

Современное руководство Коммунистической партии Китая смогло найти «золотую середину». Си Цзиньпином предпринята попытка синтеза, соединяющего китайский марксизм и традиционное китайское наследие, исконно тяготеющее к гармонии. Идея гармонии «хэ» является генетическим принципом китайской цивилизации. По мнению Председателя КНР, китайская нация стремится к проведению политики мира и развития потому, что китайская культура поклоняется гармонии [Титаренко, Ломанов, 2015: 24—25]. В данном случае используются термины, понятия, выражения, весьма далекие от классической политологии.

По существу, Китай сейчас переживает своеобразный ренессанс конфуцианства [Буров, 2011]. Принятая в 2001 году «Программа строительства гражданской морали» сделала акцент на следующие моральные принципы: любовь к Родине и исполнение закона, четкое следование правилам общежития, искренность и доверие в отношениях между людьми, сплочение и дружелюбность, трудолюбие, бережливость, служение своему долгу. Все это входит в конфуцианский моральный кодекс [Кондрашева, 2009: 171].

Что касается внешней политики Китая, то руководство страны стремится придать ей «китайский облик», используя специфические китайские пути защиты национальных интересов. Просматривается желание связать современную внешнюю политику с традиционной культурой. Симптоматичен призыв Си Цзиньпина к установлению «правильного взгляда на долг и выгоду в международных отношениях». Эта идея восходит к раннему конфуцианству, декларировавшему приоритет «долга-справедливости» над «пользой-выгодой» [Ломанов, 2017: 14].

В свое время автором была сделана попытка анализа глубинных основ ЭПШП [Кондорский, 2019а]. Оказалось, что все планируемые мероприятия не совсем стыкуются с базовыми законами экономической и политической систем. Зону своего влияния в форме ЭПШП Китай в настоящее время формирует не столько по законам этих систем, сколько по законам цивилизованного пространства.

В связи с этим вспоминаются грандиозные морские экспедиции в начальный период династии Мин (вплоть до Аравийского полуострова), которые преследовали не торговые или политические цели, а носили престижный характер — «показать свой флаг» [Фицджеральд, 2005: 308]. Если тогда подобного рода стратегия не получила своего развития, то сейчас, по мнению китайского руководства, она должна сработать.

Украина. Установление Литвой контроля над территориями Малой и Белой Руси в XIV веке обусловило здесь крайне низкий уровень феодальной революции [Кондорский, 2021: 58]. Вследствие этого восточнославянские земли долгое время находились на «общинной» стадии развития. С этим была связана масса архаических пережитков, существовавших до очень поздних времен с учетом наследия, полученного этими землями от Киевской Руси. В частности, в городах сохранялось вечевое управление [Дворниченко, 1995: 298—302].

Современная украинская элита по всякому поводу и без повода декларирует свою преемственность с Киевской Русью. На самом деле так оно и есть. Но как уже говорилось, чем выше уровень преемственности с предыдущим историческим этапом, тем ниже потенциал последующего развития, что мы наблюдали и наблюдаем в истории Украины. Украинский язык действительно ближе к древнерусскому, но это говорит о его меньшей развитости по сравнению с русским языком [Кондорский, 2021: 59].

В XVI веке происходит массовый переход элиты, имеющей еще древнерусские корни, в католичество и принятие образа жизни польской аристократии. На смену им приходит новая элита в виде казацкой старшины. Реестровое казачество, появившееся в середине XVI века, представляло собой типичную корпорацию с соответствующим типом сознания. Особенностью любой корпорации и в тот период, и в современный является преобладание внутренних интересов над внешними. Следует обратить внимание на тот факт, что старшина была сугубо корпоративной элитой, а не элитой украинского народа, как пытаются представить современные украинские историки.

Именно во второй половине XVI — первой половине XVII века сформировался тот архетип исторического сознания украинского народа (в первую очередь, элиты), который проявлял себя в течение последующих столетий, вплоть до нашего времени, практически без изменений.

В период так называемой Освободительной войны украинского народа. Хмельницкий повсюду (вплоть до Трансильвании) искал союзников против

Польши с целью уничтожить это государство [Яковлева, 1998: 152]. Разочаровавшись в этом отношении, в Москве, после Переяслава Хмельницкий делает шаги в направлении принятия протектората шведского короля (который в это время взял под свой контроль большую часть Польши), одновременно ведя переговоры с Турцией и Крымским ханством [Чухліб, 2005: 76].

Однако ни о каких равноправных отношениях со шведами не могло быть и речи. Шведы планировали взять под свой контроль Войско Запорожское и в дальнейшем использовать его в войне с Москвой [Горобець: 40]. Советовали Хмельницкому защитить свободу своей страны с помощью их оружия. Шведский король собирался строить вдоль Днепра крепости, неподконтрольные гетману, который должен был отдавать ему половину своих налоговых сборов [Яковлева, 1998: 203]. Для сравнения, после Переяслава Хмельницкий не платил Москве «ни копейки» [Яковлева, 2003: 71]. Сходство с современным периодом просто поразительное.

У старшинской элиты отсутствовал опыт государственного строительства [Смолій, 2014: 40]. В период Хмельниччины сложилась крайне слабая, плохо структурированная система публичной власти, уходившая своими корнями в устройство Запорожской Сечи. В основе этой системы лежала казачья демократия, на деле сплошь и рядом оборачивающаяся охлократией.

После смерти Хмельницкого наступает период гражданской войны, который в народе прозвали Руиной. Корпоративные интересы в этот период преобладали над государственными. В полной мере проявили себя властолюбие, амбициозность, эгоизм старшины [Смолій, 2009: 217]. Старшинская элита показала свою неспособность предоставить народу консолидирующие цели, постоянно игнорируя интересы народа и самого казачества ради собственной выгоды.

Руина — это сплошная череда гетманов, которые вскоре после утверждения царем Алексеем Михайловичем изменяли ему и начинали поиск покровителей среди ближайших соседей Гетманщины, и не только. Так же как и при Хмельницком, нормой становится одновременная подвластность нескольким иностранным правителям. Украинские историки называют подобного рода политику украинских гетманов поливассалитетом [Чухліб, 2005: 76]. Я же называю это проституированностью. И тогда, и сейчас руководство страны выступало и выступает в роли сутенеров, предлагая Украину то одним, то другим внешним игрокам.

Типичным представителем казацкой старшины со всеми ее «достоинствами» и пороками был Мазепа. Несмотря на внешнюю лояльность Петру, в душе он был русофобом. Очень точно характеризовал Мазепу известный историк XIX века Н. Костомаров: «Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи... Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал перед всеми, всех обманывал — и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вернуться из опасности» [Костомаров, 1992: 320]. Более точного определения современного (и не только) украинского истеблишмента трудно найти.

В конце XIX века появляется националистически настроенная украинская интеллигенция, в рамках которой уже тогда сформировался определенный архетип отношения к России и всему русскому, который сейчас доминирует среди современной украинской «элиты». Был сформирован идеализированный миф

украинского народа и казачества. Интересный момент. Почти все ведущие националисты того времени прямо или косвенно были связаны с Галицией или разделяли взгляды и идеи галицийского национализма, т. е. вся «зараза» шла оттуда, так же как и сейчас.

В ее среде впервые появляется лозунг: «Украина для украинцев». Пока хоть один «чужинец» останется на территории Украины, украинская интеллигенция не имеет права «сложить оружие». Доминирование Москвы над Киевом может быть устранено только победой. Необходимо приручить Москву, запрячь ее в украинскую государственную «телегу» [Український націоналізм, 2012]. Опять мы имеем поразительное сходство с менталитетом современной украинской «элиты».

Во время Гражданской войны (1917—1920 гг.) на Украине полностью воспроизвелся архетип, характерный для гражданской войны второй половины XVII века, — Руины. Так же, как и в тот период, руководство Центральной Рады не имело четкой программы строительства нового государства [Солдатенко: 872], не смогло справиться с проблемой формирования властной вертикали [Рент, 2016: 268].

Идея образования Центральной Рады принадлежала украинской интеллигенции. Из 118 ее членов не менее 100 были интеллигентами [Верстюк, Осташко, 1998: 14]. К тому же основные руководители Украинской Народной Республики были выходцами из сельской местности с архаической основой своего общественного сознания. Правительство состояло из журналистов, писателей, студентов, которые не имели никакого опыта государственного управления [там же: 90]. Следует отметить, что для украинской элиты исторически был характерен глубокий комплекс неполноценности.

В настоящее время по существу на Украине мы имеем третью Руину. Для более глубокого понимания нынешнего положения вещей полезной будет концепция этнического сознания [Кондорский, 2019b: 119]. В сознании человека можно выделить две основных составляющих — этническую и личностную. Этническое сознание формируется в детстве. В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит данный характер. Его нельзя изменить волевым путем. Можно только говорить о степени его активизации, когда в обществе происходит разделение на «свои-чужие» и начинает доминировать поиск внешних и внутренних врагов.

На Украине в течение последних тридцати лет мы наблюдаем резкую активизацию этнического сознания. Как результат — рецидивы радикального национализма, обусловленные подсознательной тоской по патриархальной культуре и ее «племенным ценностям» [Даренский, 2016: 48]. Традиционное этническое сознание обычно сохраняется в сельской местности.

Более 80 % политической и культурной элиты страны (включая четырех президентов) — выходцы из сельской местности. При этом сколько бы «университетов» ни заканчивали подобного рода деятели, в плане своего базового сознания они остаются «хлопцями з глухого сэла». Ющенко все пять лет своего президентского срока с упорством, достойным иного применения, пытался сделать из Украины «Большой хутор».

Еще со времен Хмельнитчины украинская элита отличалась русофобией, которая на рубеже XIX—XX веков приобрела уже патологические формы и в

современной Украине никуда не делась. Следует учесть, что за последние тридцать лет на Украине выросло поколение, которое забыло «веру отцов». При этом используются те же иезуитские методы воспитания, что и поляками в XVI—XVII веках. Сфера образования целиком и полностью находится под контролем галичан.

Казахстан и Киргизия. Активизацию этнического (кланового) сознания мы наблюдаем в постсоветский период и в государствах Центральной Азии. Особенно это касается Казахстана и Киргизии, имеющих кочевые исторические корни. В кочевой период клановая система сообщества для кочевников была жизненно необходимым условием существования в экстремальных условиях степи. Для менталитета кочевников было характерно почти полное отождествление и слияние своих личных, индивидуальных ценностей, стремлений и интересов с ценностями своего клана [Ерофеева, 1994: 42]. Следует отметить, что у кочевников феодализм носил исключительно внешний характер. Феодализм как система, имеющая потенциал развития, здесь так и не сформировался [Кондорский, 2019с: 68].

После получения независимости в рамках клановой структуры опять начинают играть определяющую роль родственные связи. Из властных структур произошло вымывание не только русских, но и городской русскоязычной интеллигенции. Так как основным требованием является знание казахского языка, то органы государственной власти стали заполняться выходцами из сельской местности [Борисова, 2002: 32]. Кстати, и в советский период партийно-государственная элита в основном рекрутировалась из сельских маргиналов. Подобного рода процесс наблюдался и на Украине в 1960—70-е годы.

Именно у выходцев из сельской местности клановость является органической частью этнического сознания, которая оказывает уже определяющее влияние на личностное сознание. В Казахстане в постсоветский период клан, клановые отношения, клановые структуры выступают как неформальный институт рекрутирования элит. Для носителей кланового сознания главное не личное «Я», а опора на себе подобных и их мнение. Поэтому, приходя во властные структуры, выходцы из сельской местности окружают себя земляками и родственниками [там же].

В Казахстане и Киргизии на уровне руководства страны клановость стала принимать уродливые формы «семейственности». Все это порождало и порождает коррупцию и дисбаланс в структуре элиты. Здесь руководство является заложником традиционалистской системы отношений, влияющих на их образ мышления и характер практических действий [Наумов, 2016: 40].

За последний век в Казахстане сменилось несколько типов общественно-политических систем, но политические элиты претерпели не столь глубокие трансформации. Советская партийно-хозяйственная элита явилась прямой преемницей байской родоплеменной аристократии. В современный период имеет место попытка существующей казахстанской элиты, которая оказалась во власти не в силу своей качественности и компетентности, а в силу приспособляемости и удачного стечения обстоятельств, связанных с ее клановым происхождением, преодолеть комплекс неполноценности [Агаев, 2012: 127].

Значимым следствием активизации традиционного сознания стали массовая мифологизация и национализация (этнизация) истории в центрально-азиатских государствах. Предпринимаются попытки сделать свою историю

максимально древней и застолбить свою автохтонность в Центральной Азии [Шнирельман, 2015: 226]. Кстати, все это в полной мере характерно и для украинского истэблшмента.

В опубликованной статье за 2018 год, исследуя закономерности и особенности, характерные для «цветных революций» на постсоветском пространстве, автор обратил внимание на определяющую роль, которую играет традиционный фактор в центрально-азиатских государствах (и не только), и сделал на этот счет небольшой прогноз: «И в Киргизии, и в Казахстане мы имеем рекрутирование элит на основе традиционных институтов. К сожалению, Назарбаев, сам того не ведая, заложил слишком много "мин", которые могут взорваться после его ухода с политической арены» [Кондорский, 2018: 96]. В январе 2022 года первая мина уже взорвалась.

Ближний Восток. Специфический характер имела феодальная революция в арабских странах. В Европе феодализм формировался на основе общин, полностью лишенных племенного сознания в сельской местности (в отличие от Аравии), затронув более 90 % населения. На Ближнем Востоке наблюдалась обратная картина. Ислам имел городские корни. К тому же феодальная революция здесь началась на 300—400 лет раньше, чем наиболее классическая феодальная революция в Западной Европе, т. е. носила инадаптивный характер, что предопределило низкий потенциал дальнейшего развития. На рубеже I тыс. социумы в арабских странах перешли в инерционный режим с сохранением племенной структуры и сознания в сельской местности.

В процессе Арабской весны произошла резкая активизация племенного сознания [Нечитайло, 2014: 25], что привело к политической сегментации Сомали, Ливии, Йемена, Сирии. Сохранение глубинной языческой основы, принявшей внешнюю форму строгого монотеизма, способствовало появлению радикального исламизма. Ислам плохо приживался в Аравии. Еще для начала XX века были характерны рецидивы языческого сознания [Васильев, 1999: 76—77]. И это в стране, где государственной религией является ваххабизм — наиболее ортодоксальное течение ислама.

Тропическая Африка. В Тропической Африке не было феодальной революции. Базовый архетип, соответствующий еще родоплеменному состоянию, никуда не делся. Западноевропейские страны в колониальный период ничего принципиально не изменили. Локальные архаические структуры институтов власти остались нетронутыми. Все это непосредственным образом сказалось на социально-политических и экономических процессах уже в постколониальный период.

Для африканских стран характерно устойчивое воспроизводство традиционных структур. Многие компоненты традиционной потестарно-политической культуры продолжают функционировать, особенно на низших уровнях управленческой системы. Многопартийность, парламентаризм и другие атрибуты буржуазного общества оказались лишь прикрытием трайбализма [Африка, 1994: 219].

Абсолютное большинство партий в Африке формируется не по политическому или идеологическому принципу, отражая интересы сложившихся социальных групп, а по этнорегиональному, как инструменту поддержки влияния того или иного лидера, представляющего обычно определенный этнос. По существу мы имеем не политическую борьбу партий, а соперничество за власть отдельных кланов и их лидеров [Сидорова, 2015: 395], которое часто принимает

форму вооруженных столкновений. Вооруженные конфликты являются одной из наиболее сложных социально-политических проблем, интегрировавших в себе комплекс противоречий в африканском обществе. С 1980 года не менее 28 государств Тропической Африки в той или иной степени прошли через этапы вооруженного конфликта [Конфликты..., 2013: 14].

Первичные причины этих явлений нужно искать в глубине веков. В этнических конфликтах наблюдалось явное проявление архаического сознания. Многие участники войны искренне полагали, что боги и духи управляют ими в их действиях [Денисова, 2012: 46].

Гражданские войны обычно сопровождались крайней жестокостью. В Бурунди гражданская милиция тутси, вооруженная мачете, дубинками и молотками, убивали даже женщин и детей [Садовская, 2013: 41]. Однако все эти зверства и массовые убийства гражданского населения нельзя объяснить с точки зрения современного сознания в плане мотивации. Для нас это геноцид, преступление, а для африканцев с позиций племенного сознания все это носило естественный, можно сказать, природный характер.

Россия. В Древней Руси не было феодализма как системы. Имели место процессы феодализации, так же как в Западной Европе в период Меровингов и Каролингов. Феодальная революция имела место во второй половине XIII века уже в рамках формирующегося Московского государства, почти на 300—400 лет позже, чем в Западной Европе.

Любая революция сопровождается устранением носителей «старого сознания». В данный период таковыми были городские общины как наследие Древней Руси. В конце XII — начале XIII века Русь как историческая система уже не имела никакой перспективы развития на основе существующего базиса. Для княжения Александра Невского и его сына Андрея были характерны регулярные репрессии по отношению к городским общинам при участии татар [Оловинцов, 2018: 197].

Наличие заметной преемственности с предыдущим периодом и относительно низкий потенциал развития в конечном итоге привели к глубокому кризису Смутного времени. В последующие сто лет Россия находилась в состоянии инерционного развития. Нужен был прорыв, который попытался совершить Петр.

Историки приписывают Петру много достижений. Мы считаем, что помимо создания современной (по меркам того времени) армии, несомненным достижением Петра можно считать создание устойчивой политической системы государственного управления, которая, несмотря на низкий уровень компетентности Екатерины I, Петра II, Анны Иоановны, выдержала испытание на прочность и показала свою несомненную эффективность.

Мы считаем, что главным минусом внешней политики Петра стало «полноправное» вхождение России в систему европейского равновесия, не соответствующее коренным национальным интересам страны. Все это имело далеко идущие последствия не самого положительного характера в течение трехсот лет. Петр по существу создал имперскую систему временного типа, архетип и объективные законы которой просуществовали и в советский, и в постсоветский периоды.

Возьмем для примера внешнюю торговлю в начале XVIII века. В Россию ввозились в основном предметы роскоши, которыми не пользовался простой

народ. В обмен Россия поставляла на Запад весьма дефицитные для них товары — пеньку, лен, парусину, дешевое, но качественное железо. Торговля такого рода была очень выгодна «друзьям» Петра — голландским и английским купцам, но не России [Покровский, 1947: 105]. Не правда ли, это напоминает нечто современное?

Активное участие России в европейских разборках XVIII—XIX веков не принесло стране никаких заметных дивидендов. Царство Польское, полученное за победу над Наполеоном, все сто лет представляло собой «инородное тело» в составе империи. Это относится и к русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Берлинский конгресс остался позорной страницей русской дипломатии. На нем великие западноевропейские государства, в первую очередь в лице Великобритании, указали на то место, которое должна занимать Россия в Европе — «на подстилке в прихожей».

Так называемые европейские союзники, начиная с Августа Сильного, при каждом удобном случае старались навредить России. Во время Венского конгресса Англия, Австрия и Франция заключили секретный трактат о союзе против России. Каждый из трех союзников обязался выставить армию в 150 тыс. человек. Александр I, после того как узнал об этом, был в шоке. Но чувство ненависти к Наполеону превысило в нем все остальное [Троицкий, 2005: 6—7]. Сходство с операцией «Немыслимое» просто поразительное. Кстати, в обоих случаях причиной был «польский вопрос».

Перед Первой мировой войной в своей записке Николаю II бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново убедительно показал, что даже победа над Германией не столько бы решила существующие проблемы, сколько создала новые [Оськин, 2014: 239]. Россия вступила в войну, не имея ясно очерченной цели. Она выполняла свои союзнические обязательства перед Францией [там же: 27].

Активность советской дипломатии в 1930-е годы имела корни, уходящие в петровскую эпоху. Результатом стал франко-советский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи, целью которых было поддержание европейского равновесия перед возрастающей агрессивностью Германии. Хотя, казалось бы, где Советский Союз, а где Чехословакия и тем более Франция?

В настоящее время у России появился реальный шанс наконец выйти из европейской системы равновесия, тем более, что она уже полностью деградировала вследствие полной утраты европейскими государствами своего суверенитета. В свое время Наполеон III предложил российскому послу снова вернуться в Азию, намекнув, что Россия не является европейской страной. Ну что, Азия так Азия. Есть надежда, что хоть здесь Россия, наконец, «вздыхнет полной грудью».

Теория революционного периода. Одной из важнейших временных систем, позволяющих осмыслить многие аспекты современных политических процессов, является революционный период (РП). Революции Нового времени происходили в форме революционного периода как системы, имеющей свои внутренние законы. Конкретные революции следует рассматривать как проявление процессов в рамках РП. Обычная продолжительность революционного периода — около ста лет.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: стран первой, второй и третьей генераций. К странам первой генерации можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США, где революционный период начался

ранее всего. В большинстве европейских стран как стран второй генерации, в частности Германии, Италии, Австрии, Венгрии и Японии, революционный период начался в середине XIX века и закончился после Второй мировой войны. В странах третьей генерации — России, Китае, Турции, Иране, балканских и латиноамериканских странах революционный период ограничился рамками XX века.

В революционный период все политические режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Диктатура позволила Советскому государству провести индустриализацию и победить фашистскую Германию. Попытки либерализации власти в революционный период, как правило, способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в Испании в 1930-е годы.

Страны третьей генерации имеют свою специфику, особенно в экономической сфере. В них не было промышленных революций, была индустриализация под непосредственным руководством государства. В них отсутствовал капитализм как система, только капиталистический уклад. Уклад — это структура, которая, в отличие от системы, не имеет потенциала развития. В России это касается как царского периода, так и постсоветского.

В России как стране третьей генерации революционный период пришелся в основном на годы советской власти. Сформировался «советский» архетип политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. К тому же этот архетип нельзя изменить волевым путем, не разрушив при этом государства. Что мы имеем в настоящее время на Украине. В Китае это поняли еще в 1980—90-е годы, что и обусловило успешное развитие этой страны. В России доморощенные либералы попытались в 1990-е годы построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики. Если к настоящему времени в политической сфере руководство страны это осознало, то в экономической — пока недостаточно.

Страна может стать полноправным субъектом только после окончания революционного периода. Став реально после войны сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам революционного периода (в котором он находился), не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с государствами, где революционный период уже закончился, т. е. по сравнению с Западом.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI века стало то, что страны третьей генерации, став субъектами геополитического пространства, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало отрицательную реакцию со стороны западных стран. По этому поводу автор еще пять лет назад сделал прогноз на основе закономерностей теории революционного периода, который, как показывает история, полностью подтвердился. Его смысл может быть сведен к следующему. Сейчас идет передел геополитического пространства и зон влияния, с одной стороны, между старыми (западными странами) и новыми субъектами, а с другой — между самими новыми субъектами геополитического пространства. (С этой точки зрения конфликт между Турцией и Россией стал неизбежен, так как у них слишком много

точек противоречий и на Ближнем Востоке, и в Закавказье.) При этом следует иметь в виду, что если с «коллегами» по странам третьей генерации можно договориться (что и произошло у России с Турцией) и найти общий язык, то со странами первой и второй генераций противоречия носят антагонистический характер.

Библиографический список / References

- Агаев Г. Ш. Прошлое, настоящее и будущее клановых сообществ Казахстана // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 5. С. 126—128.
(Agaev G. Sh. Past, present and future of clan communities in Kazakhstan, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*, 2012, no. 5, pp. 126—128. — In Russ.)
- Африка: культура и общество. Традиции и современность / под ред. Р. Н. Исмагиловой. М.: ИА РАН, 1994. 383 с.
(Ismagilova R. N. (ed.) *Africa: culture and society. Traditions and Modernity*, Moscow, 1994, 383 p. — In Russ.)
- Борисова Е. А. Роль неформальных институтов в управлении Казахстаном // Вестник Евразии. 2002. № 1 (16). С. 28—47.
(Borisova E. A. The role of informal institutions in the management of Kazakhstan, *Bulletin of Eurasia*, 2002, no. 1 (16), pp. 28—47. — In Russ.)
- Боровкова Л. А. Материалы о политике Мин в конце XIV в. по вопросу о социальной организации деревни // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 116—133.
(Borovkova L. A. Materials on Ming politics at the end of the 14th century. on the issue of the social organization of the village, in Iliushechkin V. P. (ed.) *Social and socio-economic history of China*, Moscow, 1979, pp. 116—133. — In Russ.)
- Буров В. Г. В Китае возрождается культ Конфуция // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4. С. 8—14.
(Burov V. G. The cult of Confucius is being revived in China, *Asia and Africa today*, 2011, no. 4, pp. 8—14. — In Russ.)
- Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 — конец XX в.). М.: Классика Плюс, 1999. 672 с.
(Vasiliev A. M. *History of Saudi Arabia (1745 — the end of the 20th century)*, Moscow, 1999, 672 p. — In Russ.)
- Верстюк В., Осташко Д. Дітячі Української Центральної ради. Київ: ПУ НАНУ, 1998. 254 с.
(Verstyuk V., Ostashko D. *Children of the Ukrainian Central Rada*, Kiev, 1998, 254 p. — In Ukr.)
- Горобець В. «Чорна рада» 1663 року. Передумови, результати, наслідки. Київ: ПУ НАНУ, 2013. 200 с.
(Gorobets V. *"Chorna glad" 1663 year. Change your mind, results, consequences*, Kiev, 2013, 200 p. — In Ukr.)
- Даренский В. Ю. Причины феномена массового национализма на современной Украине // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 39—52.
(Darensky V. Yu. Causes of the Phenomenon of Mass Nationalism in Modern Ukraine, *Svobodnaya Mysl*, 2016, no. 5, pp. 39—52. — In Russ.)

- Дворниченко А. Ю. К проблеме восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Восточная литература, 1995. С. 294—318.
(Dvornichenko A. Yu. On the problem of East Slavic politogenesis, in Popov V. A. (ed.) *Early forms of political organization: from primitiveness to statehood*, Moscow, 1995, pp. 294—318. — In Russ.)
- Денисова Т. С. Африканские конфликты и религиозные ритуалы (на примере гражданских войн в Либерии) // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10. С. 45—52.
(Denisova T. S. African conflicts and religious rituals (on the example of civil wars in Liberia), *Asia and Africa today*, 2012, no. 10, pp. 45—52. — In Russ.)
- Ерофеева И. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 334 с.
(Erofeeva I. Khan Abulhair: commander, ruler and politician, Almaty, 1999, 334 p. — In Russ.)
- Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2013. 635 с.
(Kissinger H. *About China*, Moscow, 2013, 635 p. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. «Революции» после революций («цветные революции» с позиций теории революционного периода) // История и современность. 2018. № 4. С. 88—107.
(Kondorsky B. M. "Revolutions" after revolutions ("color revolutions" from the standpoint of the theory of the revolutionary period), *History and Modernity*, 2018, no. 4, pp. 88—107. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» // Проблемы Дальнего Востока. 2019а. № 2. С. 21—28.
(Kondorsky B. M. Historical-economic and political-ideological background of the Chinese project "Economic Belt of the Silk Road", *Problems of the Far East*, 2019, no. 2, pp. 21—28. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств // История и современность. 2019b. № 3. С. 112—131.
(Kondorsky B. M. Relapses of archaic social institutions within the political regimes of post-Soviet states, *History and Modernity*, 2019, no. 3, pp. 112—131. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Роль этнического (традиционного) фактора в формировании общественно-правового сознания в государствах Центральной Азии // Евразия: государство и право. 2019с. № 12. С. 61—80.
(Kondorsky B. M. The role of the ethnic (traditional) factor in the formation of social and legal consciousness in the states of Central Asia, *Eurasia: state and law*, 2019, no. 12, pp. 61—80. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. К вопросу об истории государственности Украины // История и современность. 2021. № 1. С. 54—81.
(Kondorsky B. M. On the issue of the history of the statehood of Ukraine, *History and Modernity*, 2021, no. 1, pp. 54—81. — In Russ.)
- Кондрашева Л. И. Китай на пути к национальной модели демократии // Китай: поиск гармонии. М.: ИД «Форум», 2009. С. 159—177.
(Kondrasheva L. I. China on the way to a national model of democracy, in *China: the search for harmony*, Moscow, 2009, pp. 159—177. — In Russ.)
- Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования / под ред. И. О. Абрамовой. М.: ИА РАН, 2013. 459 с.

(Abramova I. O. (ed.) *Conflicts in Africa: causes, genesis and problems of settlement*, Moscow, 2013, 459 p. — In Russ.)

Костомаров Н. И. Мазепа. М.: Республика, 1992. 335 с.
(Kostomarov N. I. *Mazepa*, Moscow, 1992, 335 p. — In Russ.)

Ломанов А. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8—18.

(Lomanov A. New concepts of Chinese foreign policy, *Asia and Africa today*, 2017, no. 12, pp. 8—18. — In Russ.)

Наумов А. О. «Цветные революции» как угроза государственному суверенитету. Опыт Кыргызстана // Мировая политика. 2016. № 2. С. 36—45.

(Naumov A. O. "Color revolutions" as a threat to state sovereignty. Experience of Kyrgyzstan, *World Politics*, 2016, no. 2, pp. 36—45. — In Russ.)

Нечитайло Д. А. «Аль-Каида» и «Арабская весна» // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1. С. 22—26.

(Nechitailo D. A. Al-Qaeda and the Arab Spring, *Asia and Africa Today*, 2014, no. 1, pp. 22—26. — In Russ.)

Оловинцов А. Статус Руси в XII—XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние? М.: Алгоритм, 2018. 432 с.

(Olovintsov A. *Status of Russia in the XII—XVI centuries. Turks or Mongols? Yoke or confrontation?*, Moscow, 2018, 432 p. — In Russ.)

Оськин М. В. История Первой мировой войны. М.: Вече, 2014. 496 с.

(Oskin M. V. *History of the First World War*, Moscow, 2014, 496 p. — In Russ.)

Покровский С. А. Внешняя торговая и внешняя торговая политика России. М.: Международная книга, 1947. 403 с.

(Pokrovsky S. A. *Foreign trade and foreign trade policy of Russia*, Moscow, 1947, 403 p. — In Russ.)

Реєнт О. П. Українські визвольні змагання 1917—1921 років. Київ: Арії, 2016. 280 с.

(Reent O. P. *Ukrainian liberation competitions of 1917—1921*, Kiev, 2016, 280 p. — In Ukr.)

Садовская Л. М. Бурунди: итог международного противостояния // Азия и Африка сегодня. 2013. № 2. С. 40—45.

(Sadovskaya L. M. Burundi: total international confrontation, *Asia and Africa today*, 2013, no. 2, pp. 40—45. — In Russ.)

Сидорова Г. М. Африка: война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго. М.: Восточная литература, 2015. 527 с.

(Sidorova G. M. *Africa: the war of ideas and the war of people in the mirror of the Democratic Republic of the Congo*, Moscow, 2015, 527 p. — In Russ.)

Смолий В. А., Степанков В. С. Українська національна революція XVII ст. (1648—1676 рр.). Київ: ВД «Києво-Могилянська академія, 2009. 447 с.

(Smoliy V. A., Stepankov V. S. *The Ukrainian national revolution of the 17th century (1648—1676)*, Kiev, 2009, 447 p. — In Ukr.)

Смолий В. А., Степанков В. С. Институт власти в политической системе Украины. Київ: ІНУ НАНУ, 2014. 244 с.

(Smoliy V. A., Stepankov V. S. *Institution of power in the political system of Ukraine*, Kiev, 2014, 244 p. — In Ukr.)

Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. Київ: Либідь, 1999. 976 с.

(Soldatenko V. F. *The Ukrainian revolution. Historical essay*, Kiev, 1999, 976 p. — In Ukr.)

Титаренко М., Ломанов А. Становление Китая как великой державы. Политические и культурные аспекты стратегии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 17—28.

(Titarenko M., Lomanov A. Formation of China as a great power. Political and cultural aspects of the strategy, *Problems of the Far East*, 2015, no. 3, pp. 17—28. — In Russ.)

Троицкий Н. А. Александр I и Венский конгресс // Известия Саратовского государственного университета. Серия: История. Право. Международные отношения. 2005. Вып. 1—2. С. 3—12.

(Troitsky N. A. Alexander I and the Congress of Vienna, *Bulletin of the Saratov State University. Series: History. Law. International relationships*, 2005, iss. 1—2, pp. 3—12. — In Russ.)

Український націоналізм. Антологія / ред. В. Рог. Київ: УВС, 2012. 384 с.

(Rog V. (ed.) *Ukrainian nationalism. Anthology*, Kiev, 2012, 384 p. — In Ukr.)

Фицджеральд Ч. П. История Китая. М.: Центрполиграф, 2005. 458 с.

(Fitzgerald C. P. *History of China*, Moscow, 2005, 458 p. — In Russ.)

Чухліб Т. В. Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648—1714 рр. Київ: Арістей, 2005. 640 с.

(Chukhlib T. V. *Hetmans and monarchs. The Ukrainian state in international relations 1648—1714*, Kiev, 2005, 640 p. — In Ukr.)

Шнирельман В. Арийский миф в современном мире: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 2. 536 с.

(Shnirelman V. *Aryan myth in the modern world: in 2 vols*, Moscow, 2015, vol. 2, 536 p. — In Russ.)

Яковлева Т. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття: причини і початок. Київ: Основа, 1998. 447 с.

(Yakovleva T. *Hetmanship in the second half of the 50s of the 17th century: reasons and beginnings*, Kiev, 1998, 447 p. — In Ukr.)

Яковлева Т. Руїна Гетьманщини: від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659—1667). Київ: Основа, 2003. 643 с.

(Yakovleva T. *Ruin of the Hetmanship: from the Pereyaslav Council-2 to the Andrusiv Agreement (1659—1667)*. Kiev, 2003, 643 p. — In Ukr.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Кондорский Борис Михайлович — кандидат биологических наук, независимый исследователь, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, bmkbox@mail.ru

Kondorsky Boris Mikhailovich — Candidate of Sciences (Biology), independent researcher, Donetsk, Donetsk People's Republic, bmkbox@mail.ru